

ИВАНЫ, РОДСТВА НЕ ПОМНЯЩИЕ...

Я пришла работать в краеведческий музей в 1965 году. Страна только отметила 20-летие Победы, всколыхнув память о войне, о многочисленных ее жертвах, о неимоверной тяжести фашистской оккупации и, конечно, о мужестве наших соотечественников.

Занимаясь краеведением, я познакомилась с молодым борисовчанином Леонидом Соболев, который без всяких на то санкций коммунистов, увлеченный работой писателя Сергея Смирнова по изучению истории обороны Брестской крепости, стал первым собирать материал о борисовских подпольщиках (в 1944 г. он издал книгу «Звезда надежды»). Л. Соболев, беспартийный, многое уже знал тогда о подполье и своими рассказами пробудил во мне, тоже беспартийной, интерес к этой теме, тем более, что и мои близкие не оставались в стороне от патристической деятельности в годы оккупации. Вместе с ним и моей коллегой Галиной Митько мы обошли очень многих живых тогда бывших подпольщиков, записали их воспоминания, собрали фотографии, документы, вещественные предметы. Мы обошли бывшие явочные квартиры, места, где хранились приемники, радики, оружие. Собранные материалы передавались в комиссию, печатались в газетах. Городские власти сами включились в поисковую работу и вовлекли в нее общественность города — учителей, ответственных работников учреждений и предприятий. Было и правительственное решение по этому вопросу.

Многие школы (№№ 1, 2, 8, 12, 13, 15, 19) активно собирали материалы, создавали стенды, комнаты славы, а в 12-й школе работал клуб «Наследники», один из лучших в республике. В 19-й СШ под руководством историка Р.П. Завариной был создан музей Борисовского подполья (теперь он находится в 18-й СШ).

Участники Борисовского подполья в 1964 г.

Всей этой работой, конечно же, руководили городские партийные органы при участии комитета госбезопасности — таков был уклад нашего общества. Но сказать, что коммунисты выдумали подполье, когда оно им понадобилось, — это просто выдумка В. Раховича, отвергающая самую суть подпольного движения в оккупированном Борисове.

В 70-е годы в городе было многое сделано для увековечения памяти о добрых делах борисовчан в годы войны: открыт ряд мемориальных досок, установлены памятники на местах массовых расстрелов подпольщиков. К сожалению, две памятные доски сегодня исчезли: на здании инфекци-

онной больницы и на здании железнодорожного вокзала. Эти факты почему-то не волнуют сотрудников музея накануне большого праздника.

К счастью, я многих бывших подпольщиков знала лично, привлекала их к выступлению перед населением в разных аудиториях. Они открыто выступали и не боялись, что кто-нибудь их «разоблачит» за неправду, ибо рассказывали о том, что и как было с самого начала оккупации.

В нашумевших статьях «Ахьяры па разнараць» автор подчеркивает, что К.И. Акулич раньше говорил так, как надо было коммунистам, а теперь, когда их нет, можно толковать события иначе. Все может быть — чужая душа потемки. Но если он критически относился к коммунистам, то почему так настойчиво добивался восстановления в партии? Видимо, в данном случае больше вопросов, чем ответов, и полагаться на мнение одного человека не оправданно.

А вот Лопатин, Жуковская, Соломатин, Вустин, Петрище, Пашкевич, Андриевская, Подолян, Йоселиани, Радкевич и сотни других в любые времена говорили одинаково, не меняя своего мнения.

Разумеется, по истечении времени случались расхождения в датах некоторых событий. Бывало и такое, когда некоторые пытались утверждать, что подпольщиками были только они, а вот о других они не слышали и ни-

чего не знали. На работавших в немецких учреждениях ставили штамп: ездил с немцами на машине, пил шнапс — значит, подпольщиком не был. К сожалению, некоторые такие выводы попали в книги, изданные сразу после войны вне Беларуси.

Однако поиски правды приводили к доказуемым истинам. Неоспоримым является факт существования к началу осени 1941-го подпольных групп на стекольном заводе под руководством Долгалова и Лозовского, на ДОКе (руководитель Демский), в роддоме, где спасали жизни раненым и здоровым советским военным во главе с врачами Старжинскими и Вустинным, большая комсомольско-молодежная группа под руководством Лины Филиппович и Бориса Качана и др.

Опьяненный кажущимися успехами в «разоблачении» подполья, Рахович с легкостью окрашивает в черные тона, наряду с истинными холоуями, и имена тех, кто жил в ладах со своей совестью. Сюда попали Ярош, Криуш, Качан, Пририз, Зоммерфельд, Федоринчик, Козыро и др.

Я далека от того, чтобы утверждать, что в подпольном движении все было гладко — бывало всякое. Не сразу научились подпольной деятельности и конспирации в борьбе с сильным врагом, зачастую ошибались в привлекаемых в подполье. Случалось, один не выдерживал истязаний и называл фамилии своих товарищей, другой же сам предавал подпольщиков за поношку табака. Поэтому несколько раз были провалы, в результате чего погибло много людей. Но подполье все три года оккупации действовало. По признанию бывших руководителей

Борисовской партизанской зоны и партизанских бригад, отрядов Р.Н. Мачульского, В.С. Пыжикова, Т.С. Радюка, М.Г. Мормулева, П.А. Жукевича, а также ученых, историков, которые занимались изучением подпольного и партизанского движения в нашем крае, Борисовское подполье было одним из широких и действенных в Беларуси с самого начала оккупации.

В основном выводы поисков делаются на основе глубокого изучения многочисленных данных, что и было осуществлено в свое время. Наверное, еще долгие годы люди будут обращаться к трагическому времени своей истории, названному Великая Отечественная война. Будут открываться новые документы, новые страницы, дополняющие известные о человеческом горе и радости, о мужестве и низости, о героизме и предательстве. Главное — уметь отделить зерна от плевел, не утонуть в мелочах и частностях, не заслонить значимое бытовыми подробностями, добавляя к ним собственные фантазии.

Даже немцы признали в отношении белорусского народа свою жестокость, которая, однако, так и не смогла его покорить. Теперь они просят прощения за содеянное, проводят акцию взаимопонимания и примирения. А вот свои Иваны, родства не помнящие, ведут себя совсем иначе.

Выражаю глубокое сочувствие бывшим подпольщикам, их детям, родственникам и близким за оскверненную память отцов и дедов.

Жанна ГИЛЕВИЧ, с 1965 г. — научный сотрудник, в 1975—1991 гг. — директор музея